

Гоудань бесцеремонно копался в заплечной корзине Сяомань. Собранный ею трава для свиней лежала плотными слоями — он вытаскивал охапку за охапкой и небрежно бросал на землю.

Чтобы уложить в корзину как можно больше, Сяомань долго и усердно утрамбовывала каждую горсть. Теперь из-за Гоуданя ей придётся тратить время и собирать всё заново.

Но перечить ему она не смела. Гоудань рос отпетым пакостником: дрался наотмашь, да так больно, что даже собственной бабке от него доставалось. А ведь бабка была самой грозной и властной в их доме! Даже дед с отцом и матерью ходили перед ней на цыпочках.

Для Сяомань двоюродный брат был существом грозным и непредсказуемым. Колени у неё до сих пор ныли: Гоудань только что свалил её на землю, и она чувствительно приложилась спиной о камни. Горько плакать девочка не решалась — лишь тихонько утирала бегущие по щекам слёзы.

— Ладно, на этот раз верю, — буркнул Гоудань. — Собирай давай свою траву. И чтобы у нашего огорода я тебя больше не видел. Мать твоя — жадная до безумия скряга.

Сяомань едва слышно пролепетала:

— Да я ведь просто траву косила...

— Нашему огороду твоя помощь не нужна.

Гоудань раздражённо отвернулся — его злило, когда девчонка распускала нюни. Двоюродная сестра была старше его на три года, но росла на редкость бесхребетной, позволяя младшим братьям помыкать собой как угодно.

"Трусливое отродье, вся семейка в кучу", — подумал Гоудань.

Сам Гоудань, несмотря на вечное бродяжничество, в работе был скор и ловок. Стоило отцу показать какое-то дело один раз, как мальчишка тут же перенимал сноровку. Вот только силёнок из-за малолетства пока не хватало на тяжёлый труд.

Два бамбуковых короба, которые он притащил волоком, доверху ломились от редьки — он уложил плотные корнеплоды вместе с ботвой один к одному. Притащить пустые короба на огород он ещё кое-как сумел, но теперь, нагруженные под завязку, они стали неподъёмными.

Дно коробов, стёртое от постоянного волочения по земле, его отец, Ли Сы, совсем недавно укрепил свежими бамбуковыми планками. Но после сегодняшней дороги на них снова появились свежие глубокие царапины.

Гоудань изнывал от голода и жары. На палящем солнце он чувствовал себя безжизненной сушёной зеленью, что хозяйки вывешивают на верёвках.

В животе даже не урчало — на это просто не осталось сил. Порывшись в коробе, Гоудань выбрал редьку покрупнее, отломил половинку, сбегал к ручью и, наскоро ополоснув, с жадностью впился зубами.

Она оказалась горькой, острой и сухой, совсем без сока. Жуткая гадость.

Но голод победил. Проглотив этот несчастный кусок, Гоудань не почувствовал облегчения — напротив, пустой желудок тут же взбунтовался и заурчал с удвоенной силой. Перед глазами всё плыло, солнце над головой отливало зловещим золотом. Мальчику казалось, что он вот-вот упадёт замертво от истощения.

Когда Ли Сы после работы прибежал на приусадебный участок за сыном, тот уже успел прокрасться на чей-то чужой огород, выкопать несколько мелких клубней батата и испечь их в золе у ручья.

Поскольку время сбора ещё не пришло, клубни выросли тонкими и волокнистыми. Гоудань обглодал их дочерна и глотал прямо с обуглившейся кожурой.

К приходу отца костёр был тщательно потушен. Мальчишка затоптал угли в ямку, засыпал свежей землёй и разровнял её так, что не осталось и следа. Если бы не чёрные пятна сажки вокруг его рта, заподозрить неладное было бы невозможно.

— Устал, сынок? — Ли Сы развязал пояс, затянул его потуже — так голодный желудок меньше ныл, да и сил прибавлялось, — и примерился к коробам. — Давай-ка я это домой отнесу.

Гоудань искоса зыркнул на отца, подошёл к нему шатающейся походкой, смешно задрал штанины выше колен, и протянул своими чумазыми ручонками два тонких обгоревших корешка.

— Откуда это у тебя? — в голосе Ли Сы промелькнула суровость.

Как бы сильно они ни бедствовали, красть государственное или чужое добро он сыну не позволял. Быть отцом вора Ли Сы не желал ни под каким видом.

Гоудань соврал глазом не моргнув:

— Твоя матушка дала.

Ли Сы недоверчиво прищурился. При всей своей простоте он прекрасно понимал, что старуха

Ли скорее удавится, чем поделится крохой еды. Она привыкла только отбирать, а не раздавать.

— Честное слово! Я выменял их на редьку, — надулся Гоудань.

Его начинала раздражать отцовская дотошность: дают еду — ешь, зачем задавать лишние вопросы? С голодухи помереть, что ли? Самому ему вовсе не улыбалось копаться на чужих грядках под страхом быть пойманным и забитым до полусмерти разъярёнными хозяевами.

— Ешь давай, а то не донесёшь короба. Жарища невыносимая, пошли уже домой.

"Всё из-за бабки, чтоб её... Всю еду из дома выгребла", — со злостью подумал Гоудань. Он твёрдо решил, что во время летней жатвы сам приберёт к рукам распределение зерна.

— Ты ешь, сынок, отец не голоден, — мягко ответил Ли Сы.

Он хотел было прочитать сыну нотацию о честности, но, как всегда, не нашёл нужных слов. Да и спорить с не по годам смышлёным Гоуданем было бесполезно. Ли Сы в очередной раз почувствовал себя никчёмным и беспомощным.

Мальчик настойчиво запихнул печёный батат отцу в руку. Ему хотелось поскорее покончить с этим, вернуться в деревню, позвать Ван Сюаня на речку и окунуться в прохладную воду.

Едва отец с сыном вошли в деревню, как заметили, что жители с мисками в руках спешно стягиваются к одному из дворов. Гоудань оживился: неужели намечается очередное судилище? Внутри у него вспыхнуло азартное предвкушение.

— Опять Чэнь А-да за побои взялся? — донёсся из толпы чей-то голос.

— Да нет, его баба, Хэймэй. Говорят, в этот раз совсем озверела — пацан весь в крови лежит, без чувств. Сам староста прибежал, аж трясётся от злости.

У Гоуданя внутри всё оборвалось. Чэнь А-да — это же дядя Ван Сюаня! Если в том доме и бьют кого-то до полусмерти, то явно не собственного сына. Это Ван Сюань!

— Тётушка, тётушка! — Гоудань подбежал к одной из женщин. — Это они Ван Сюаня избили?

— Вроде его... Говорят, голову проломили, не дышит почти.

В ушах у Гоуданя зашумело. В следующую секунду он сорвался на бег. Вода, которую он только что жадно пил из ручья, заплескалась в желудке. Бок нещадно закололо, но он даже не подумал сбавить шаг.

Ли Сы кричал ему вслед, но мальчик не слушал. Отец в сердцах чертыхнулся, сбросил короба у дороги и бросился догонять сына.

Гоудань добежал до дома Чэнь А-да, задыхаясь от быстрого бега. У ворот уже толпились односельчане. Дело приняло серьёзный оборот: Ван Сюань лежал без сознания, и никто не знал, выживет ли мальчик.

— Хэймэй, да у тебя сердца нет! — кричала соседская женщина. — Посмотри на ребёнка, он же едва дышит! Ты что творишь, убить его вздумала?!

— А тебе какое дело? — огрызалась Ван Хэймэй, уперев руки в бока. — Мой хлеб ест, в моём доме живёт! Захочу — зашибу!

— Да завали ты хайло! Ты... да ты... — задыхалась от возмущения соседка.

Гоудань лихорадочно огляделся. В самом пыльном углу двора, брошенный на голую землю, неподвижно лежал Ван Сюань. Голова его была наспех перемотана грязной тряпкой, сквозь которую просачивалась тёмная кровь, смешанная с кашцей из каких-то размятых зелёных листьев.

Мальчик бросился к другу:

— Ван Сюань! Ван Сюань, очнись! Слышишь меня?!

Но тот не реагировал.

Гоудань почувствовал, как ярость горячей волной заливает глаза. Ван Хэймэй продолжала истошно орать на весь двор. Окружающие лишь безучастно глазели на происходящее, староста бессильно сотрясал воздух угрозами, а дядя Чэнь А-да сидел на корточках у стены и безучастно дымил своей трубкой. Никто не собирался ставить обнаглевшую бабу на место.

Гоудань рванулся вперёд.

Он разогнался и со всей силы прыгнул, целясь подкованным злостью ударом ноги прямо в подколенный сгиб Хэймэй. Удар вышел точным и яростным. Женщина, не ожидавшая нападения сзади, с глухим вскриком рухнула на колени, тяжело приложившись о камни двора.

Сам Гоудань от толчка кубарем покатился по пыльной земле, но мгновенно вскочил на ноги. Прежде чем толпа успела ахнуть, он коршуном налетел на распластанную Хэймэй и принялся неистово колотить её по лицу.

— Тварь! Получай, сука! Получай! Чтоб ты сдохла, ведьма паршивая! — истошно вопил он,

нанося удар за ударом.

Его маленькие кулаки, закалённые деревенской работой, обрушились на лицо женщины с неожиданной силой. Гоуданю было всего восемь лет, но злость утроила его силы.

У Хэймэй из носа мгновенно хлынула кровь, смешиваясь со слезами и грязью. Она взвыла от неожиданности и боли, пытаясь сбросить с себя бешеного мальчишку. Но Гоудань вцепился в неё мёртвой хваткой, целясь в глаза и губы. Однако разница в весе была слишком велика — Хэймэй всю жизнь тяжело трудилась в поле и обладала недюжинной силой, способной свалить взрослого мужика.

Она перехватила его за шиворот, сиюсь оторвать от себя.

— Вы что творите?! А ну стоять! Что здесь происходит?!

<http://bllate.org/book/19654/1951360>